

КУРУМЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

Баир Бальжинимаевич ДАШИБАЛОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ. Специализируется в области средневековой археологии и истории Центральной Азии. Автор монографии и нескольких десятков статей на эти темы.

Решение вопросов происхождения бурятского и якутского народов невозможно без понимания проблем формирования культурного комплекса курумчинской культуры. Ранние этапы ее изучения напрямую были связаны с обоснованием теории о южном происхождении якутов, веским аргументом в пользу которой является тюркский язык народа. По мнению многих исследователей (Я.И. Линденау, М.П. Овчинников, Б.Э. Петри), Прибайкалье являлось промежуточным этапом на пути следования якутов, и здесь, несомненно, должны были остаться следы их пребывания. В дальнейшем большинство ученых, изучавших курумчинскую культуру, вполне правомерно искали аналогии в прибайкальских и саяно-алтайских древностях, обращая внимание на близость рунической графики населения Прибайкалья к енисейскому, а не орхонскому вариантам письма. Отмечен общий стиль петроглифов курыкан и средневековых хакасов, а также строительство ими однотипных городищ, укрепленных каменными стенами. Шатровые сооружения курумчинской культуры интерпретировались как могилы по обряду кремации и сопоставлялись с кыргызским (хакасским) обрядом трупосожжения (Окладников А.П., 1955; Мандельштам А.М., 1974; Асеев И.В., 1980).

Влияние саяно-алтайского культурного очага (а принадлежность его, в частности, древнехакасского государства к западной азиатской традиции обоснована Л.Р. Кызласовым, 1992) на соседние земли Байкальской Сибири вполне естественна, особенно это касается территорий левобережья Ангары и Селенги, а также Тункинской долины. Эти западные связи осуществлялись по коридору красноярско-канской лесостепи, где найдены и археологические свидетельства этого движения (Кызласов Л.Р., 1962; Савельев Н.А., Свинин В.В., 1978; Генералов А.Г., Дзюбас С.А., 1995).

За последние годы источниковедческий фонд курумчинской культуры значительно пополнился. И.В. Асеевым введены в научный оборот результаты собственных изысканий и данные, полученные Ангарской экспедицией, которую много лет возглавлял А.П. Окладников (Асеев, 1980). Под руководством В.В. Свинина расширили свои исследования археологи-медиевисты Иркутского университета (Зайцев М.А., 1989; Харинский А.В., 1994). В 1984 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии создана Байкальская археологическая экспедиция, непосредственной задачей которой явилось изучение средневековых древностей с целью реконструкции этнической истории бурят и якутов. Планомерные и многолетние исследования экспедиции с четко намеченной программой собрали большой массив новых источников и позволили

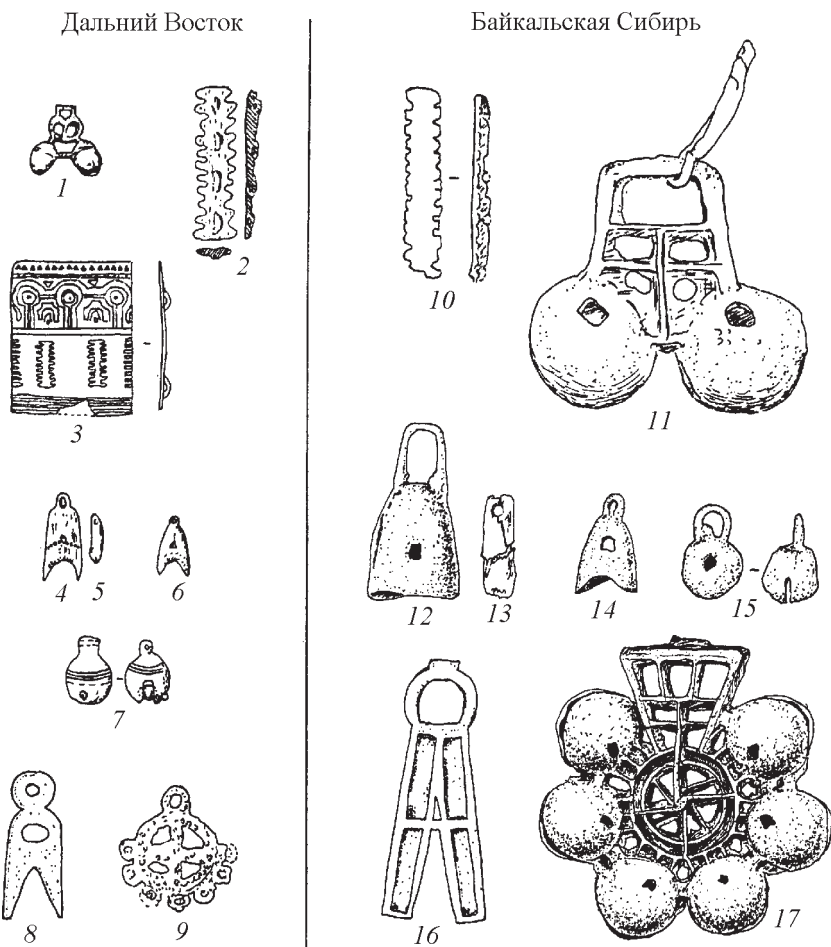

Таблица 1. 1, 9, 11, 17 — подвески; 2, 3, 10 — бляшки; 4, 5, 12, 13 — колокольчики с язычками; 6, 14 — колоколовидные подвески; 7, 15 — бубенчики; 8, 16 — лапчатые подвески. 1, 3, 4—7, 9 (по Медведеву В.Е.); 2 (по Деревянко А.П.); 8 (по Шавкунову Э.В.); 10—17 (материалы авт.). 5, 13 — кость; 1—4, 6—8, 10—17 — бронза.

совершенно с иных позиций взглянуть на уже имеющийся материал; были выдвинуты и обоснованы принципиально новые положения в изучении курумчинской культуры (Дашибалов Б.Б., 1995). Важным достижением полевых работ Байкальской экспедиции явилось открытие погребальных памятников курумчинской культуры. Найдено и исследовано 10 новых могильников на западном и восточном берегах Байкала. Получен антропологический материал, являющийся важным источником для понимания этногенетических процессов, происходивших в Байкальской Сибири.

Начнем с погребального обряда, являющегося наиболее консервативной и медленно меняющейся чертой культуры. Сопоставительные аналогии здесь с целью генетических реконструкций в методическом плане более правомерны, чем, например, выявить простое сходство предметов материальной культуры, которое может быть обусловлено территориальной близостью, торговыми и иными контактами. А схожесть погребальных обрядов свидетельствует о более существенных и глубоких связях и общности духовных представлений, очевидно, имевших единые истоки.

Все курумчинские погребения по наличию или отсутствию надмогильной конструкции делятся на две основные группы: курганные погребения, обозначенные на поверхности каменной насыпью, и грунтовые захоронения без надмогильной конструкции. Если традиция курганных могил достаточно широко представлена в сибирских и центральноазиатских памятниках, то обряд грунтовых захоронений весьма специфичен и требует специального рассмотрения.

Первый грунтовый могильник курумчинской культуры Баянгол исследован Е.А. Хамзиной. Так как памятник был разрушен, то представляло известную сложность восстановить полный обряд, тем не менее исследовательница предположила, что могильник является грунтовым (Хамзина Е.А., 1970, с.95). Нами проводились дополнительные изыскания на этом могильнике и были открыты также новые памятники — Белые воды I и II. Большая часть изученных могил практически уничтожена — отчасти это связано с легко развеиваемым песчаным грунтом, в котором производились захоронения; на площади всех трех могильников практически отсутствуют какие-либо камни, которые можно было бы связать с надмогильными сооружениями. Подтверждением того, что население курумчинской культуры практиковало обряд сооружения грунтовых могил, служат неразрушенные погребения Телятниковского могильника и погребально-поминального комплекса Харанса I, где также изучены захоронения без надмогильной кладки (Хамзина Е.А., 1970, с.64).

Грунтовые могильники курумчинской культуры чаще всего располагались рядом с водоемом (рекой или озером), причем выбирались сухие открытые возвышенности или террасы, обычно сложенные из песчаных грунтов, что способствовало их разрушению при повреждении верхнего слоя.

В грунтовых погребениях (до X в. н.э.) большая часть умерших клалась в яму без всяких внутримогильных сооружений, в остальных случаях фиксируются полусгнившие деревянные доски, вероятнее всего, это остатки конструкции типа рамы. Об этом позволяет говорить сохранившееся погребальное ложе могилы Баянгол, I. Гроб-рама состоял из двух тонких длинных досок, в которые снизу врезаны два бруска (ручки). Сверху на концах длинных сторон в пазы вставлены поперечные бруски. Дно рамы выстилалось берестой (Хамзина Е.А., 1970, с.96; Дашибалов Б.Б., 1995, с.69).

Иногда удается установить, как умерших укладывали: на спину с разворотом на правый бок; на спину — ноги согнуты и завалены направо или на правый бок — скорченно. Головой костяки ориентированы на север и северо-восток.

На площади памятника Баянгол Е.А. Хамзиной найдены вазовидные горшки (1970, с.103), нами при сплошной расчистке этого могильника обнаружен бутылевидный сосуд с отбитым дном. Такие сосуды располагались вне погребений и, очевидно, связаны с поминальными культурами. Возможно, при совершении поминов использовался огонь или же были достаточно редкие случаи кремации умершего, но надо заметить, что жженных костей скелета не найдено, имеются только железные предметы, явно побывавшие в огне и приобретшие специфический черно-синеватый блеск и окалину. На Баянгольском могильнике выявлено также ритуальное захоронение головы медведя в отдельной яме округлой формы.

В погребениях под курганами умершие чаще всего находились в каменных ящиках. Отмечен, кроме того, достаточно редкий обряд сооружения над покойником двускатной деревянной крыши, покрытой сверху тростником. Останки чаще всего лежали скорченными на правом боку, реже — вытянутыми на спине с подогнутыми и заваленными направо ногами (могильники Черенхын I, Бодон I). Ориентировка, как и в грунтовых могилах, преобладает северо-восточная.

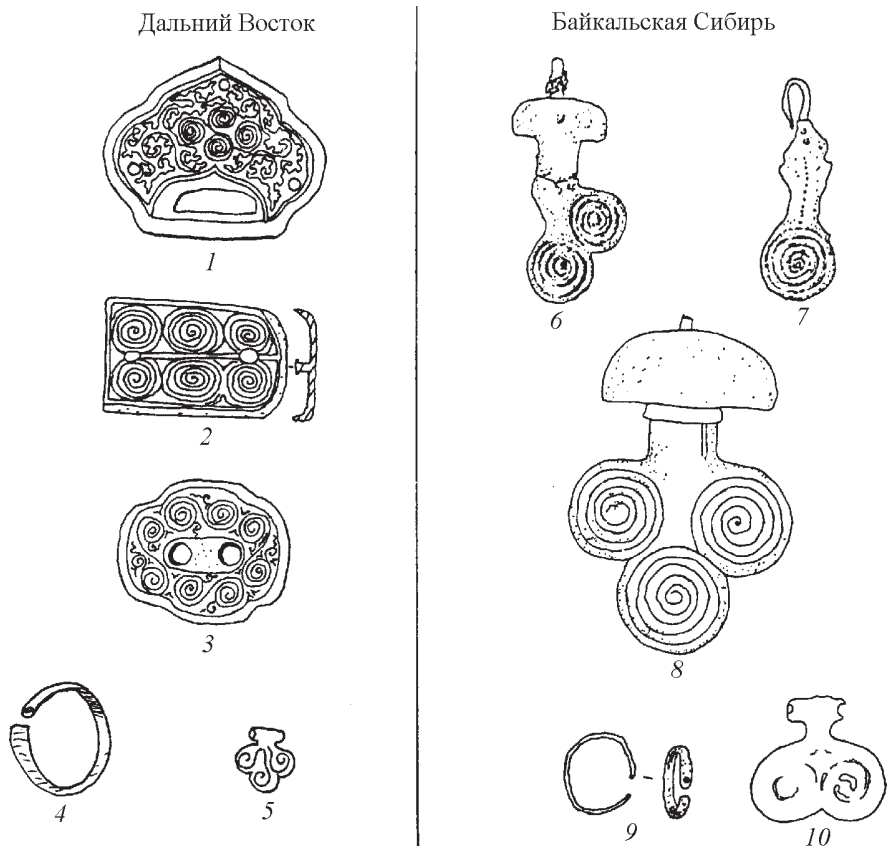

Таблица 2. 1—3 — бляшки; 4, 9 — кольца; 5, 10 — подвески; 7 — серьга; 6, 8 — височные подвески. 1—3, 5 (по Шавкунову Э.В.); 4 (по Медведеву В.Е.); 6—10 (материалы авт.).
1—3 — железо с серебряной инкрустацией; 10 — бронза с серебряной инкрустацией;
4, 5—9 (бронза).

Рассмотрим погребальные обряды средневекового населения Дальнего Востока, что можно сделать благодаря большой работе, осуществленной сибирскими и дальневосточными археологами. Материал опубликован отдельными комплексами (Дервянко Е.И., 1975, 1977; Медведев В.Е., 1977, 1982, 1991), изданы и обобщающие труды (Дервянко Е.И., 1981; Медведев В.Е., 1986; Шавкунов Э.В., 1990; Государство Бохай..., 1994). Проведены сопоставительные исследования в области погребального обряда по данным археологии, этнографии и письменным источникам (Васильев Ю.М., Дьякова О.В., 1987), что значительно облегчает наш труд.

Большинство изученных средневековых захоронений Дальнего Востока являются грунтовыми, причем чаще всего могильники находятся на берегах рек, песчаных возвышенностях — релках. Останки лежат просто в могильных ямах, а в некоторых случаях в гробах-рамах. В яме или же на поверхности устанавливались сосуды, в некоторых случаях с пробитым дном. Поза погребенных — чаще всего на спине с подогнутыми в коленях ногами, а в других случаях — скорченно на правом или левом боку. Преобладающая ориентировка — на запад.

Таким образом, мы видим, что, за исключением ориентировки, многие черты погребального обряда средневекового населения Амура схожи с обычая-

ми людей, живших в это же время на берегах Байкала. Совпадает все, начиная от места выбора могильника до совершения поминальных культов.

Сопоставим также погребальный инвентарь, полученный из могил. Надо подчеркнуть схожесть, а порой идентичность не только орудий труда и бытовых вещей, что вполне понятно, но и достаточно специфичных и демонстрирующих мир религиозных верований культовых предметов (табл.1). Это, несомненно, свидетельствует о единстве мировоззренческих образов, питавших их творцов. Один из излюбленных узоров курумчинских ювелиров — спираль, ею украшались: серьги (табл.2, 7); височные кольца (табл. 2, 6, 8) и подвески (табл.2, 10). Этот же мотив распространен и у чжуржэньских мастеров (табл.2, 1—3, 5). На городище Байкальское I была найдена керамика, украшенная криволинейным орнаментом (Харинский А.В., 1992, рис.2), сходные мотивы встречались на каменных плитках из Манхайского городища и среди подъемных сборов в устье реки Налимовки на восточном берегу Байкала (сборы И.А. Батуева). Данные орнаменты, несомненно, связаны со спиральными узорами, получившими распространение среди широкого круга культур Тихоокеанского бассейна, в том числе и на горшках неолитического поселения Кондон (Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973, с.169).

Курумчинцы изготавливали бронзовые пластинчатые несомкнутые кольца, на одном конце проделывалось небольшое отверстие (табл.2, 9), точно такие же кольца носили амурские женщины (табл.2, 4). В дальневосточном ареале сформировались железные наконечники с зигзагообразным сечением (табл. 3, 3), здесь же произошло становление долотообразных стрел (табл.3, 4, 5), весьма своеобразна костяная стрела с выемками у черешка, найденная в погребении Троицкого могильника (табл.3, 2). Аналогичные стрелы были в погребениях и поселениях курумчинской культуры (табл.3, 9—12).

Перейдем к поселенческим комплексам, они представлены исследованиями Б.Э. Петри и результатами работ Ангарской экспедиции под общим руководством А.П. Окладникова. Б.Э. Петри в долине р. Мурын (мурен по-китайски — река) раскопал жилища полуземляночного типа (Пэрлээ Х., 1962, с.56). Количество таких жилищ неизвестно, описание у Б.Э. Петри идет во множественном числе. Полуземлянки четырехугольной формы 2,8 м в ширину, глубина колеблется от 1 м до 1,5 м. С одного конца землянки имеется вход в виде полого спуска, а с другого — приступочка-лежанка. Крышу Б.Э. Петри представляет в виде наклоненных жердей, обмазанных глиной или обложенных дерном. Для огня можно допустить устройство камелька или особое дымовое отверстие (1923, с.3). Исследована и производственная землянка, в которой обнаружен горн, расположенный на том месте, где в жилых помещениях находится приступочка-лежанка.

Полуземлянки раскопаны Ангарской экспедицией на поселении Усть-Талькин. Памятник исследовался Е.Ф. Седякиной в 1957 и 1959 гг. (Окладников А.П., 1957; Седякина Е.Ф., Окладников А.П., 1959). Всего изучено 9 жилищ. В плане форма жилищ круглая — 6 сооружений и овальная — 3 сооружения. Площадь больших землянок от 40 до 56 кв.м. Особенностью больших жилищ является отсутствие в них очагов. Малые жилища отличаются сравнительно меньшей площадью — от 12 до 36 кв.м.

Очаги отмечены в четырех полуземлянках, все они располагались в центре. В двух жилищах очаги обложены камнями (форма круглая, диаметр около 0,6 м). В одном очаг был несколько приподнят над уровнем пола. Стены отвесные, вероятно, в некоторых случаях их обмазывали глиной: куски глиняной обмазки обнаружены в одном из жилищ. Пол ровный, глубина землянок колеблется от 1 до 1,4 м. Учитывая это, можно предположить, что стены жилищ могли быть продолжены еще не менее, чем на 1 м. Столбы внутри жилищ,

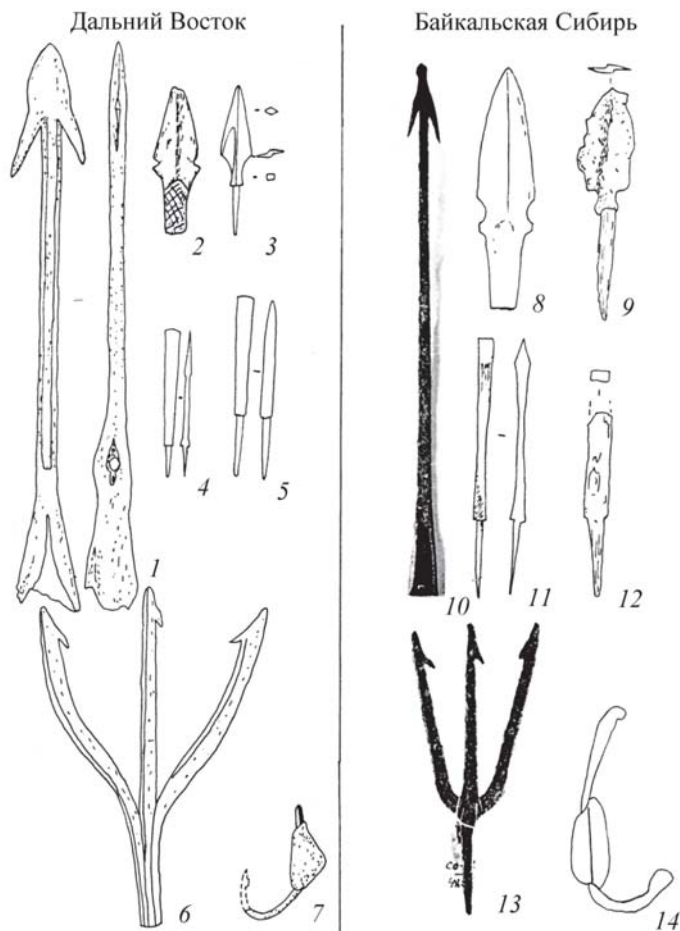

Таблица 3. 1, 8 — наконечники гарпуна; 2—5, 9—12 стрелы; 6, 13 — остроги; 7, 14 — крючки с грузилами; 1, 5—7 — Шайгинское городище (по Шавкунову Э.В.); 2 — Троицкий могильник (по Деревянко Е.И.); 3, 4 — Луданникова Сопка (по Васильеву Ю.М.); 1 — остров Коноваловский; 13, 14 — остров Сосновый (по Окладникову А.П.); 11 — Шохтой (по Петри Б.Э.); 9 — могильник Белые воды, 10 — могильник Баянгол, 12 — могильник Черенхын (материалы авт.). 2, 9 — кость; остальное железо.

вероятно, служили для поддержания кровли. Крыша могла покрываться полотнами бересты и лиственничной корой, найденной в землянках. Реконструировать кровлю по имеющимся материалам практически невозможно. Округлая форма жилища и расположение очага в середине землянки предполагают крышу с дымовым отверстием в центральной части. Поэтому вероятно перекрытие в виде чума пирамидальной формы.

В жилищах найдены фрагменты керамики, кости животных, обломки жерновов, каменная плитка с вырезанным изображением лошади, везущей кибитку. В одной из землянок у стенки обнаружены скопления зерен проса.

На Унгинском поселении Н.Н. Забелиной исследовано 15 хозяйственных ям (Окладников А.П., 1957). Чаще всего погреба были круглой формы с диаметром от 1,56 до 3,4 и глубиной от 0,6 до 1,2 м. Три имели овальную форму, размеры их близки к погребам первого варианта. Наряду с одиночными имеются сдвоенные ямы, у которых два разных входа с противоположных сторон. В шести погребках имелся вход, который полого опускался сверху вниз. Возмож-

но, что на входе в погреб дверь крепилась к деревянному столбу (в одном из погребов с западной стороны входа зафиксированы остатки столба).

В 7 погребках внутри сооружалась дополнительная яма, в плане круглой или овальной формы с диаметром от 0,45 до 1,3 м и глубиной от 0,12 до 0,35 м. Стенки ям облицовывались берестой, которая закреплялась ивовыми прутиками, дно ям также выстилалось берестой. Внутренние ямы закрывались листовенничной корой. В ямах найдены кости животных, угли и зола. В самих погребках угли и зола встречены почти во всех сооружениях. В большинстве отмечены находки коры и обрывки бересты. Стенки также облицовывались берестой, а листовенничной корой покрывался навес, сооруженный из жердей.

Кости животных встречены в 12 погребках, из них в пяти ямах найдены черепа диких животных (козлов). В остальных случаях — кости крупных животных, а чаще всего их мелкие осколки. В одном из погребов найден берестяной туес, в другом — сосуд с отверстием на дне, очевидно, он был предназначен для хранения проса.

Еще один тип средневековых построек Байкальской Сибири выявлен Н.Н. Забелиной при изучении городища Улан Бор. Три наземных сооружения из бревен, поставленных в ряд в виде частокола, обнаружены внутри крепостных стен городища. Форма зданий квадратная, одно из них размерами 5×5 м, столбы стены диаметром 14—16 см, а угловые несколько толще. Вход был в южной стене у юго-западного угла (если отсутствовали столбы), а также на уплотненной в этом месте поверхности, на которой лежали втопанные в землю кусочки керамики и кости. Внутри помещения найдено их небольшое скопление, и в пяти местах стояли остатки столбов, возможно, поддерживавших когда-то перекрытие.

В раскопах расчищены два разных варианта очагов. Один из них выглядит обычным круглым пятном из обожженной глины, а второй — в виде правильной прямоугольной платформы из глины, обложенной со всех сторон деревом. На западном и северном краях, почти посередине, стояли два столбика диаметром около 10 см. Длина очага — 170 см, а ширина — 140. Н.Н. Забелина отметила близость очагов второго типа к якутским камелькам.

Основным типом средневековых дальневосточных жилищ являются полуземлянки четырехугольной формы (близкие к квадрату), вход на некоторых из них был дверным со специальным спуском. Нары-лежанки окаймляли помещение по периметру. Очаг четырехугольной или квадратной формы как с обкладкой из камней, так и без нее. Также встречаются очаги в виде прямоугольной платформы, обставленные с четырех сторон деревянными досками. Стены жилищ выкладывались вертикально поставленными столбами или досками. Крыша, по мнению авторов, чаще всего была четырехскатной. Для бохайцев характерно обмазывание стен и крыш домов глиной (Деревянко Е.И., 1981; Дьякова О.В., 1987). Рядом с жилищами в самом помещении выкапывались ямы в виде погребов. В них хранилось мясо, о чем свидетельствуют находки костей свиньи (Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973, с.310).

Весь облик поселений курумчинской культуры находит полную аналогию в дальневосточном регионе, за некоторыми различиями — наземные здания из вертикальных столбов не найдены на Амуре. Не исключено, что крыши курумчинских землянок были двускатные, так как в нескольких могилах сооружены именно такие над умершими. Их покрывали камышом, доски опирались на перекладину, поставленную на два столбика. Какова же была хозяйственная деятельность обитателей курумчинских полуземлянок?

К сожалению, в тех немногих исследованных жилищах находок практически нет, но здесь нам помогут данные, полученные Ангарской экспедицией

при раскопках, проведенных в 1951—1954 гг. Материалы ангарских островов частично опубликованы И.В. Асеевым (1980). Культурный слой поселений был во многих случаях нарушен и разделить хронологически находки не всегда возможно, тем не менее типологически или по аналогиям можно отделить средневековые древности.

Главной особенностью ангарских поселений является их насыщенность крицами, шлаками, воздушными глиняными трубками, литейными формами из песчаника. Вскрыто множество железоплавильных ям-горнов, в которых или возле них найдены желобчатые молоты из кварцитовых галек, кварцитовые глыбы — наковальни, на рабочей стороне которых наблюдаются следы железной окалины. Внутри самих ям в заполнении и на стенках сохранились куски глиняной ошлакованной обмазки. Глубина таких ям-горнов 40—60 см. (Асеев, 1980, с.86). Важное значение приобретают находки чугунных кельтов: если на западе чугунолитейное производство появляется вместе с монголами, то на Дальнем Востоке литье чугуна начали еще в I тыс. до н.э. (Леньков В.Д., 1974, с.139). Еще одна специфичная черта, обнаруженная при раскопках ангарских островов, — это наличие множества находок, связанных с рыбной ловлей: каменные грузила для сетей, пешни для пробивания льда, железные гарпуны и остроги, специализированные крючки с грузилами (табл.3, 13, 14). Точно такие же крючки с прикрепленными к их шейкам бронзовыми и свинцовыми грузилами найдены в приморских и приамурских памятниках (Медведев В.Е., 1986, рис.26, 15, 16; Шавкунов Э.В., 1990, табл.23,4). Э.В. Шавкунов пишет, что эти крючки предназначены для донного лова рыбы, которая идет на нерест и трется брюхом о дно, напарываясь на такой крючок (1990, с.123). Похожи на приморские и наконечники гарпунов, обнаруженные на ангарских поселениях (рис. 1, 10).

Объединяет рассматриваемые нами территории и наличие городищ, имеющих общий архитектурный прием при строительстве — это сооружение оборонительных стен из необработанных камней. Подобные городища известны на дальнем Востоке, в Корее, Байкальской Сибири и Хакассии.

Городища, укрепленные каменными стенами, расположены своеобразными «кустами», более всего их известно в Приольхонье, а затем еще одна группа размещена на Северном Байкале. Почти все каменные городища Байкальской Сибири относятся к секторно-массовым. Они соответствуют форме мыса, на котором находятся, и отделяются от плато каменной стеной. Почти все они имеют одну площадку, лишь на городище Шибэтэ (залив Куркут) их две, вторая образована дополнительной линией, возведенной на некотором удалении от первой линии укрепления. Кроме того, внутри городища и за его пределами дугообразно идет горизонтальная вымостка из камней в виде дороги, шириной 3 м и длиной около 40 м. (Асеев И.В., 1980, с.96). Длина стен бывает различной и зависит от размеров мыса, она колеблется от 120 до 200 м. Высота стены достигает 3 м. Кладка производилась без раствора, плиты укладывали плашмя. Стена на мысу бухты Семисосенной сооружена несколько иначе. Здесь большие плиты гнейса поставлены вертикально, в два ряда на расстоянии около 1,5 м один от другого. Это городище, кроме того, укреплено ровом шириной 2 м и глубиной около 1м; ров шириной 3,5 м и глубиной 1,5 м отмечен на городище Хоргой. Проходы имеются не на всех. Так, на городище Шибэтэ (залив Куркут) их два, на Хоргое зафиксирован один проход шириной 2 м. К стенам городищ Шибэтэ и Хоргой (на Ольхоне) с обеих сторон пристроены добавочные сооружения в виде четырехугольных или полукруглых площадок размерами от 12 до 18 м. Внутри этих же городищ имеются каменные кладки круглой, полукруглой и квадратной форм. На городище Шибэтэ (р. Анга) выкопана круглая яма, обложенная камнями, две такие же имеются на одноименном городище на Ольхоне. Одна яма, также выложенная камнями, от-

мечена на городище Хоргой, в центральной части которого на трех больших гранитных плитах, лежащих горизонтально, хорошо заметны углубления конической, шаровидной и цилиндрической форм. В конце мыса Хоргой находится прямо стоящая гранитная плита высотой 1,8 м и шириной 1 м. На плите прочерчен знак в виде круга с точкой посередине и с ножкой. П.П. Хороших отмечает, что этот знак по форме имеет большое сходство со знаком, вырезанным на плитке, найденной на одном из Капсальских городищ на р. Куда (Хороших П.П., 1956).

Известно лишь одно городище круглого типа. Оно расположено на горе Хоргой (залив Мухор). По описанию П.П. Хороших, каменная стена опоясывает самую высокую вершину горы (Хороших П.П., 1924, с.31).

Приморские горные городища также расположены группами, своего рода «узлами» в горных долинах рек Улахе, Даубихэ, Лефу. Вот как описывает А.П. Окладников городище на Известковой сопке в долине р. Майхэ: «... с северной стороны сопки имеется два ряда стен, сложенных из тщательно пригнанных глыб дикого камня, образующих две примыкающие друг к другу дуги — внутреннюю и внешнюю. Стены дополнялись башнями, от которых уцелели круглые площадки, расположенные с интервалами в 60—70 м. Диаметр площадок равен 4,5—5 м. В стыке между двумя стенами проходила дорога, которая упиралась в тупик, возможно являвшийся ловушкой. Кроме стен, городище было укреплено еще двумя рвами, пересекавшими площадку поперек, с севера на юг» (1959, с.283).

О близости средневековых петроглифов Сакачи-Аляна, Тувы, Хакасии и Прибайкалья уже отмечалось в литературе (Окладников А.П., 1968, с.107; Дэвлет М.А., 1978). Сходные рисунки обнаружены на чжурчжэньской керамике (Тупикина С.М., 1996, с.37).

Несомненно, движение культурных идей осуществлялось не только на запад, но был поток и на восток (нельзя исключать и реэмиграцию). Связано ли распространение этих рисунков с тюркской экспансией? Ответить однозначно на этот вопрос сейчас достаточно сложно.

В заключение можно сказать, что антропология курумчинского населения сопоставима, с одной стороны, с хунну Монголии и Забайкалья, а с другой — с улчами и негидальцами Нижнего Амура (Бураев А.И., 1993, с.17, 18).

Изложенный материал показывает, что у нас есть основания рассматривать курумчинскую культуру в одном ряду с дальневосточными археологическими комплексами средневекового времени, но хочется подчеркнуть, что это и центральноазиатское явление, включающее в себя традиции степного юга. В этом она схожа с культурой хунну и является естественной ее преемницей. Культура любого народа — сложное явление, включающее в себя множество пластов, отражающих противоречивую и непростую историю ее развития; ведь абсолютно изолированных «чистых» народов не было. Выделение дальневосточного, или (если рассматривать широко) восточноазиатского субстрата, в курумчинской культуре, несомненно, позволит по-новому взглянуть на становление бурятского и якутского этносов и в дальнейшем поможет более отчетливо видеть этот пласт в их материальной и духовной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980.
 Бураев А.И. Антропология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1993.
 Васильев Ю.М. Наконечники стрел из могильника Луданникова сопка // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
 Васильев Ю.М., Дьякова О.В. Погребальный обряд покровской культуры в свете летописных и этнографических данных // Вопр. археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.
 Генералов А.Г., Дзюбас С.А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995.

- Государство Бохай (698—926) и племена Дальнего Востока России. М., 1994.
- Дашибалов Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995.
- Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Деревянко Е.И. Троицкий могильник. Новосибирск, 1977.
- Деревянко Е.И. Племена Приамурья: I тыс. нашей эры. Новосибирск, 1981.
- Дьякова О.В. Раннесредневековые жилища Дальнего Востока СССР // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.
- Дэвлет М.А. К вопросу о культурных связях древнего населения Центральной Азии и Дальнего Востока // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.
- Зайцев М.А. Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз. Байкал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989.
- Кызласов Л.Р. Статуэтка северного оленя из Канска // СА. 1962. №3.
- Кызласов Л.Р. Древнехакасское государство — очаг цивилизации западноазиатского мира // Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.
- Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке. Новосибирск, 1974.
- Мандельштам А.М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о.Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Вып.4.
- Медведев В.Е. Культура амурских чжурчжэней. Новосибирск, 1977.
- Медведев В.Е. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск, 1982.
- Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия. Новосибирск, 1991.
- Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т.1.
- Окладников А.П. Сводный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №1649.
- Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.
- Окладников А.П. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968.
- Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978. Вып.4.
- Седякина Е.Ф., Окладников А.П. Отчет о работе 2-го Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959 год). // Архив ИА РАН. Р-1.
- Петри Б.Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Изв. народного образования в Чите. 1923. №1.
- Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики // Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Тупикина С.М. Керамика чжурчжэней Приморья XII — начала XIII в. Владивосток, 1996.
- Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970.
- Харинский А.В. Об орнаменте керамического комплекса городища Байкальское-I // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Улан-Удэ, 1992.
- Харинский А.В. «Городища» побережья озера Байкал в железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук Новосибирск, 1994.
- Хороших П.П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-геогр. ин-та. Иркутск, 1924. Т.1. Вып.1.
- Хороших П.П. Отчет об археологических работах в Иркутской области (1956 год) // Архив ИА РАН. Р-1. №1294.
- Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

SUMMARY. The author of the article «Kurumchinskaya Culture of the Baikal Siberia», Candidate of Historical Sciences Bair Dashibalov, a specialist in the Mediaeval Archaeology and History of the Central Asia, narrates about some results of the Baikal archaeological expedition which studies Mediaeval antiquities in order to reconstruct ethnic history of the Buryats and Yakuts. The important achievement of these field works of the early 90s is the discovery of funeral monument of Kurulchinskaya culture. The author makes a conclusion that anthropology of Kurulchinskoye population may be compared, on the one side, with the Hunnu of Mongolia and Transbaikal, and with the Ulchi and Negidals of the Lower Amur, on the other.